

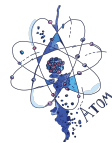
Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации

Башева Ольга Александровна

Кандидат социологических наук, научный сотрудник Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

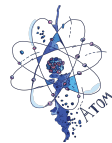
Abstract

Большая часть жителей Земли уже являются пользователями сетевых технологий, что оказывает серьезное влияние на нашу культуру в целом и на участие в публичной политике, в частности. Интернет становится не просто площадкой для гражданских практик, но дает средства для их реализации. Западные исследователи довольно глубоко их изучили, но российское исследовательское поле еще не насыщено эмпирическими исследованиями, они носят лишь единичный характер, чем уникальны, и дают общие представления о феномене цифрового участия в стране, а в большей степени о неполитическом активизме, связанном с решением острых локальных проблем. В связи с этим раскрываются две поставленные перед автором задачи: (1) описание специфики цифрового активизма в целом в мире и (2) выявление особенностей экологического цифрового активизма в России в частности. Для их решения был проведен обзор имеющихся по теме научных работ на русском и английском языках, в которых рассмотрен специфический терминологический аппарат для описания цифрового активизма и предложены различные определения этого понятия; перечислены новые формы гражданского активизма с использованием цифровых технологий особенно в крупных городах (подписание онлайн-петиций и участие в онлайн-дискуссиях, вступление в ad-hoc группы в соцсетях, репосты и размещение ссылок на материалы о проблемных темах, краудсорсинг и краудфандинг), включая те, которые ранее были просто невозможны; перечислены и типы интернет-площадок для цифрового активизма; приведены аргументы техно-оптимистов и пессимистов относительно эффективности цифрового участия и рисков, которые оно несет; предложено описание эмпирических исследований российских авторов. Последние делают выводы о том, что гражданское участие в стране сегодня проявляется скорее в коротких и акционных практиках, чем в длительных и требующих идти на высокие риски. Его особенностью стала переориентирование на

социальную кооперацию и взаимопомощь, а ядром – сетевые группы активистов. Отдельное внимание посвящено созданию гражданских онлайн-приложений и зарождающемуся в России сетевому сообществу программистов, разрабатывающих их.

Keywords: цифровые технологии, общественные движения, онлайн-петиции, публичная политика, экологические конфликты, протесты, цифровой активизм, социальные сети

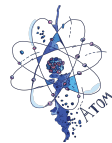

Введение (Introduction).

Массовые мобилизации, произошедшие в разных странах мира начиная с 2009 г., включая Арабскую весну (Желтов и Желтов, 2014), протесты в США, Великобритании (Halliday, 2011), Турции, Испании, России и странах постсоветского пространства (Мартынов, 2012), инициировали обсуждение роли онлайн-пространства в социально-политических процессах, в частности роль цифрового активизма в социально-политических изменениях (Гнедаш, Рябченко, 2014). Мобилизации граждан в ответ на природные и техногенные катастрофы также стали более массовыми и эффективными благодаря цифровым технологиями (Яницкий, 2010; Усачева, 2012; Usacheva, 2013; Башева, 2018). Появились новые формы поддержки различных гражданских инициатив в социальных сетях и на краудсорсинговых площадках.

Принимая все это во внимание, исследователи говорят о двойственном характере влияния виртуальных социальных сетей на гражданскую активность: с одной стороны, современные информационные и коммуникационные технологии предлагают принципиально новые возможности для выражения своей гражданской позиции, осуществления коллективной мобилизации социального (Усачева, 2012) и политического характера (Ваньке и др., 2014), трансформации митинга как устойчивой формы публичного городского ритуала (Архипова и др., 2018) и т.д.; с другой стороны, «они способствуют отчуждению пользователей от реального протестного движения, ограничиваясь только виртуальными способами взаимодействия» (Ушкин, 2015: 4). Наличие подобного дуализма мнений в научном сообществе стимулирует изучение практик цифрового активизма для выявления его реальной эффективности в решении различного рода проблем, волнующих население.

И если в западном научном мире поле исследований цифрового активизма уже довольно насыщено эмпирической информацией, то в российской литературе подобные исследования носят единичный характер, что обусловлено недавней историей подобных практик (им не более десятилетия), перениманием западных практик и инструментов, а также только лишь зарождающимся характером специфических сетевых структур

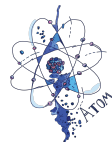
разработчиков гражданских приложений (Рябенко, Гнедаш, 2016), служащих площадками для цифрового активизма.

Методология и методы (Methodology and methods).

В данной статье посредством анализа научной зарубежной и отечественной литературы предпринята попытка описания различных аспектов цифрового активизма. Для реализации поставленной задачи были проанализировано более пятидесяти современных научных статей, опубликованных в русскоязычных и англоязычных реферируемых журналах по следующим ключевым словам: «цифровой активизм», «медиа активизм», «цифровое гражданское участие», «виртуальное участие», «хактивизм», «слактивизм», «краудсорсинг», «краудфандинг» и т.д. Мета-анализ был проведён осенью 2019 г.

Определение понятий: типы участия граждан. В рамках концепции публичной политики как института обратной связи между властью и гражданским обществом выделяют несколько типов участия граждан: политическое, гражданское, социальное и общественное. «Под “политическим участием” понимают прямую или опосредованную вовлеченность людей в политико-властные отношения, формирование политических институтов и процесс выработки политических решений. Понятие “гражданское участие” шире, оно включает в себя активную деятельность объединений граждан в различных структурах и демократических институтах, направленную на совместную разработку решений острых и актуальных проблем» (Демушина, 2015: 114). И.А. Скалабан предлагает различать гражданское и социальное участие, поскольку первое понимается как «вертикальное участие», связанное с процессами со-управления и принятия решений, а второе – как «горизонтальное участие», связанное с взаимопомощью и кооперацией для удовлетворения общественных интересов. «Общественное участие» является наиболее широким из перечисленных понятий, многие его отождествляют с гражданским (Скалабан, 2011).

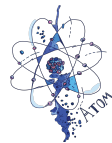
Современная модель общественного участия имеет сложный характер и включает такие структурные и атрибутивные свойства как «давление – способность оказывать давление на власть или определенную институциональную структуру с помощью гражданского или политического акционного действия

(протеста); влияние – способность мобилизовать общественное мнение, создавать публичный резонанс и формировать и реализовывать общественный контроль; свойство принадлежности – членство в партийных и иных институционализированных общественных объединениях и организациях, длительное и ассоциированное; свойство социальной помощи и кооперации – взаимоподдержка волонтерством, соседскими связями и ресурсами, благотворительностью» (Никовская, 2017: 147).

Сегодня общественное и гражданское участие в России проявляется скорее в коротких и акционных практиках, чем в длительных практиках, требующих идти на определенные риски. С 2010 г. важной особенностью гражданского участия является перефокусировка на социальную кооперацию и взаимопомощь. «Нарастает модальность более активного отношения к социальным основам своей жизни у молодого и более образованного, обеспеченного сегмента российского общества, у жителей мегаполисов и областных городов» (Никовская, Молокова, 2017: 36). А перспективными направлениями гражданского участия являются здравоохранение, образование, адаптация социально уязвимых групп населения и сферы, выходящие за рамки частных интересов – защита окружающей среды, права человека, благотворительность (Российское общество..., 2015; Градосельская, Петренко, 2008). По мнению К. Демаковой, С. Маковецкой и Е. Скрыковой, ядром неполитического активизма в России в 2010-х гг. стали неформальные группы или сети активистов (Демакова и др., 2014). Острые локальные проблемы стимулируют выход самоорганизованных, самостоятельных групп граждан в публичное пространство. Люди стремятся самостоятельно повысить качество жизни и добиться перемен в жизни своего сообщества, решить конкретные проблемы.

Под активизмом исследователи Центра ГРАНИ понимают «добровольную коллективную деятельность, вокруг общих интересов и ценностей, реализуемую публично и бескорыстно» (Центр ГРАНИ, 2012). А в качестве активистских рассматривают длинный ряд общественных практик, включающий защиту «общественных территорий» (борьбу с уплотнительной застройкой, с перепрофилированием рекреационных зон и пр.), краеведение и градозащиту, социальную и гуманитарную нефинансовую помощь уязвимым группам (сиротам, больным, старикам, бездомным и т. д.), сбор средств для них,

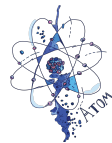

общественную мобилизацию в ответ на стихийные бедствия (пожары, наводнения и пр.), поиск пропавших людей, экологические движения, создание инфраструктурных интернет-платформ (к примеру, краудфандинговые платформы, такие как planeta.ru) и множество других (Демакова и др., 2014).

«В крупных промышленных городах развиваются современные формы и темы активизма, в которых значительную роль играют интернет и гражданское творчество (например, городской партизанинг: изменение пространств города без специальной санкции – ремонт, улучшение или украшение проблемных зон)» (Демакова и др., 2014: 151).

Возрастающая роль Интернета вызвала дискуссию о новых формах участия граждан. Ряд исследователей обратили внимание на такие формы как подписание онлайн-петиций и участие в онлайн-дискуссиях (Hirzala and Zoonen, 2011), вступление в ad-hoc группы в социальных сетях, репосты или размещение ссылок на материалы о проблемных темах (Theocharis, 2015), и в связи с этим ввели такие понятия как «цифровое сетевое участие», «цифровой активизм» (Матвеева, 2018) или «медиаактивизм» (Мирошниченко, 2013). Несмотря на уже более, чем десятилетний период развития подобных практик, в академических кругах продолжают споры об их определениях. Как пишет А.В. Матвеева, «согласно одному из существующих научных направлений, под категорию цифрового активизма, которое определяется как гражданская деятельность, реализующаяся посредством как стационарных, так и мобильных устройств с доступом к Интернету, подпадают различные проявления хактивизма (понимаемые как электронные формы гражданского неповиновения), хакерские атаки на веб-сайты, распространение хештегов и интернет-пропаганда (Joysse, 2010). Другие исследователи под цифровым активизмом понимают использование всех цифровых средств массовой информации в политических целях (Gerbaudo, 2017)» (Матвеева, 2018: 621-622).

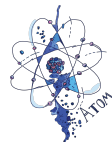
Так или иначе, под онлайн-участием понимаются «основанные на сетевых медиа действия, осуществляемые с целью активизировать социальные сети для повышения осведомленности о социальных или политических проблемах, или оказать социальное и политическое давление для их решения» (Theocharis, 2015: 2. Цит. по Гольбрайх, 2016). Особенность современного цифрового активизма состоит в том, что он часто зарождается онлайн, а реализуется уже офлайн.

«Интернет сделал более сложными социальные пространства всех уровней, предоставил большую свободу и гибкость для гражданских неполитических активистов, обеспечил доступ к новым аудиториям, специалистам, стал эффективным каналом получения и распространения информации. <...> снизились географические и структурные ограничения человеческого общения и прямого гражданского участия, коллективного действия, расширились горизонты культуры гражданственности. <...> Интернет изменил самих активистов и среду общественных инициатив. Часть активистов уже не просто присутствуют в сети, но заботятся о создании своего виртуального имиджа; их деятельность становится прозрачнее и оперативнее. Огромное количество активистских инициатив стало интенсивно использовать социальные сети и форумы для координации деятельности. Гражданские активисты прибегают к интернету для распространения информации и для поиска сведений и документов; как механизм рекрутинга, привлечения новых активистов, как инструмент коммуникации с целевой аудиторией, а также как пространство координации деятельности и межгруппового общения. Появились виды гражданской деятельности, полностью реализуемые в интернете (например, диспетчерские платформы для обращения в органы власти, карты помощи, сбор средств и т.д.). Интернет создал среду для разнообразных активистских сообществ и проектов, существующих только в виртуальном виде. Они появляются, когда другой вид самореализации невозможен (высокие потребности в анонимности, низкая способность к коммуникации «вживую», невозможность найти партнеров поблизости и т. д.). Благодаря интернету появились виды активности, которые ранее были бы просто невозможны (например, мониторинг выборов по web-камерам)» (Демакова и др., 2014: 152-153).

Среди онлайн-протестных действий выделяют: изменение картинки профиля в качестве демонстрации поддержки какой-то инициативы; проставление хештегов проходящей акции; создание онлайн-петиций; DDOS-атаки; запуск специальных сайтов; (временное) отключение сервисов и сайтов; ретвиты; организация групп в соцсетях; публикация тематических постов в соцсетях («фейсбук-публицистика»); распространение графики и видео в поддержку какой-либо кампании (Как протестовать в интернете, 2013).

К. Демакова и коллеги выделили следующие типы интернет-площадок (или сервисов) для осуществления цифрового

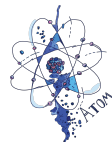
активизма: (1) сервисы «жалоб», представляющие собой виртуальные общественные приемные; (2) сервисы сбора средств (краудфандинговые платформы); (3) сервисы по сбору открытых данных; (3) сервисы для координации деятельности (карты, путеводители, инструкции, календари мероприятий и т.д.); (4) сервисы для обсуждений; (5) сервисы «гражданских развлечений»: библиотеки, видеоролики, клипы, музыка на гражданскую тематику и пр. (Демакова и др., 2014: 153) Л.И. Никовская также выделяет волонтерские сервисы (Никовская, 2017).

Некоторые российские исследователи оценивают электронное участие как «не влекущее за собой каких-либо политических или институциональных изменений» (Кабанов, 2016: 38), тогда как западные исследователи, наоборот, обнаруживают «серьезную позитивную связь между поиском информации в социальных сетях и последующим политическим участием» (Wolfsfeld et al., 2016. Цит. по: Гольбрайх, 2016).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

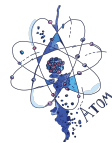
Гражданские онлайн-приложения как площадки для активизма. Н.А. Гнедаш и Н.А. Рябченко определяют цифровой активизм как «использование открытых данных, онлайн-пространства, социальных сетей и сетевых сообществ, базирующихся на таких платформах, как Facebook, Twitter, Вконтакте и др., подкастов видеохостингов, в первую очередь YouTube, для мгновенной коммуникации и представления локальной информации широкой общественности» (Рябченко, Гнедаш, 2016: 49). А стимулом для появления этого типа активизма является наличие сетевых структур разработчиков гражданских приложений и степень их включенности в сети гражданских активистов.

Развитие современных социальных платформ послужило толчком к формированию сетевого сообщества и появлению нового типа гражданских онлайн-приложений, основанных на самостоятельном решении гражданским обществом целого ряда проблем (отслеживание качества воздуха в городах или образования стихийных свалок, ликвидация последствий

стихийных бедствий и проч.). Примерами таких приложений служат www.ushahidi.com – бесплатная краудсорсинговая платформа для сбора больших объемов информации, визуализации данных и создания интерактивных карт, созданная в 2008 г. для сбора данных об очагах насилия в Кении после выборов президента; или www.standbytaskforce.org – платформа, созданная в 2010 г. для добровольного онлайн-цифрового реагирования на гуманитарные кризисы, локальные чрезвычайные ситуации и проблемы глобального и локального характера. В России среди примеров подобных сетевых платформ или сообществ необходимо отметить существовавшую до 2013 г. «Карту помощи» пострадавшим от пожаров (<http://russian-fires.ru/>) и проект «Виртуальная рында: Атлас помощи в чрезвычайных ситуациях» (<http://www.rynda.org/>) – инструменты мониторинга и координации деятельности активистов.

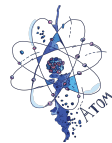
Некоммерческие и различные государственные организации «заинтересованы в разработке гражданских приложений и приглашают к сотрудничеству специалистов из IT-сферы, создавая гибридные формы взаимодействия и инновационную деятельность» (Рябченко, Гнедаш, 2016: 50). Изначально запрос на гражданские приложения запрос исходил от НКО или государственного сектора, но со временем в среде профессиональных программистов сформировалось технологическое сообщество, которое не только разрабатывает эти приложения, но и является их инициатором. В России примером такого сообщества служит «Теплица социальных технологий». На ее базе уже создан проект «it-волонтер» – онлайн-платформа обмена знаниями и навыками в сфере информационных технологий, созданная для помощи некоммерческим проектам. В ноябре 2019 г. количество участников проекта перевалило за 4900. Их задачи совершенно разнообразны: от авторства текстов для сайта и оформления групп в социальных сетях до создания рекламных баннеров для благотворительных проектов и разработки программы для бесконтактной регистрации движения рук ребенка с аутизмом. «Теплица» служит медиатором между гражданскими активистами и программистами-профессионалами, переводя задачи активистов на терминологию программистов; а проводимые ею хакатоны являются площадками взаимодействия IT-сектора, бизнеса, власти и гражданских активистов, где эти акторы коллективно работают над решением какой-либо проблемы.

«Теплица социальных технологий» содержит базу гражданских приложений из разных стран – более 400 приложений различной направленности: образование и медицина, благотворительность, краудфандинг, правовые основы, политика, экология, маппинг, ЧС, волонтерство, социальные исследования, IT-услуги, развитие демократических принципов, открытое образование и т.д., включая собственные проекты, посвященные развитию местного сообщества через повышение гражданской активности и поддержке местных инициатив, помощи людям с ограниченными возможностями, детям-сиротам и т.д.

Н.А. Гнедаш и Н.А. Рябченко разделили деятельность гражданского технологического сообщества на две области: Открытое правительство (Open Government) и Деятельность сообщества (Community Action). Первое включает проекты, направленные «сверху вниз и основанные на прозрачности действий государственных структур, развитии открытых данных, доступе к государственным услугам в электронном виде, а также участии граждан в принятии социально-политических решений» (Рябченко, Гнедаш, 2016: 50). Среди российских примеров можно отметить Подмосковский Добродел, Московский «Активный гражданин», а также Госуслуги. Community Action – это «проекты, направленные на изменения снизу вверх и основанные на обмене информацией, финансировании и сотрудничестве по принципу “от пользователя к пользователю”» (Рябченко, Гнедаш, 2016: 50). Это краудсорсинговые и краудфандинговые платформы вроде Planeta.ru, сайта благотворительного проекта «Такие дела» – «Нужна помощь».

Потребность некоммерческого сектора и гражданских инициатив в использовании IT-волонтерства и технологий довольно велика, что подтверждается различными международными исследованиями. Глобальный сектор НКО уже давно использует онлайн-технологии в своей деятельности для создания собственных сайтов и сообществ в социальных сетях, сбора онлайн-пожертвований и проч. (2016 Global NGO Online Technology Report). В России эта ниша только набирает обороты. Еще несколько лет назад исследователи делали выводы о том, что технологическая составляющая сильно отделена от гражданской (Ryabchenko et al., 2016). Формирование гражданского технологического сообщества в 2016 г. находилось на самой ранней стадии развития, в которой, тем не менее, уже достаточно четко были обозначены потребности гражданского общества, но недостаточно сформированы коммуникационные

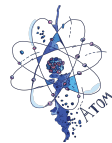

процессы между заказчиком и исполнителем. Чаще всего гражданское общество в России прибегает к разработкам и опыту зарубежных компаний и сообществ, поскольку сфера IT-волонтерства практически не развита в России.

Экологический цифровой активизм в России. Во втором десятилетии XXI в. в онлайн-активизм включены и экологи, взявшие на вооружение весь спектр инструментов и технологий Web 2.0 и Web 3.0 – от социальных сетей до петиций (Democrator.ru, Avaaz.org/ru, Change.org/ru) и от краудсорсинговых и краудфандинговых платформ до методов интерактивного картирования. Примерами краудсорсинга в экологической сфере служат онлайн-карты пунктов приема вторсырья (например, «Вторая жизнь вещей» – проект Гринпис России в партнерстве с движением «Мусора.Больше.Нет» и коалицией «Про Отходы»); экологические карты, отображающие актуальную информацию об уровне загрязнения территорий, наличия свалок и проч., и представляющие собой метод общественного мониторинга состояния окружающей среды (например, Esokarta.ru – интерактивная комплексная экологическая карта РФ по подобию Народной карты экологических нарушений на сайте РИА Новости; или esofront.ru – карта, созданная для борьбы с замусоренностью и свалками) и проч. Площадка для коллективного софинансирования проектов Planeta.ru является примером краудфандинга.

В России давно и системно развитием киберактивизма занимается Гринпис, известно множество их онлайн-кампаний (часто это онлайн-петиции). Например, проект «Пластик, уходи!», в рамках которого Гринпис и проект «Такие дела» разъясняют вред одноразового пластика <https://plastic.takiedela.ru/> или сбор пожертвований в рамках программы «Сохраним дикую природу», или интерактивная карта «Чем дышит Москва?» (<https://arcgis.greenpeace.org/air/>).

Несмотря на то, что большая часть кампаний крупных экологов призвана собрать средства на их различные программы и проекты (см., например, программы помощи WWF или Гринпис Россия), все же наиболее важные функции онлайн-кампаний – это просвещение широкой публики о конкретной экологической проблеме и путях ее решения, формирование общественного мнения. По мнению экоактивистки Т. Каргиной, успех кампании в том, что ее требование услышано и выполнено адресатом, к кому она обращена (Опыт и практика..., 2014). В связи с этим, вероятно, довольно эффективными должны стать совместные

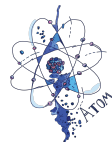
государственно-гражданские проекты, в рамках которых граждане размещают на государственных интернет-площадках информацию об экологических проблемах на местах, и их жалобы должны быть услышаны. Например, Минприроды запустило портал и электронное приложение «Наша природа» (<https://priroda-ok.ru/#/>), где граждане могут информировать органы власти о несанкционированных свалках, незаконной вырубке лесов, фактах загрязнения водных объектов и о других правонарушениях в сфере охраны окружающей среды, подтверждая их фото- или видеоматериалом с указанием точного местоположения нарушения.

Множество кампаний в защиту окружающей среды проходят параллельно в офлайн и онлайн: с 2009 г. шла кампания по защите Сиверского лесопарка в Ленинградской области от индивидуального жилищного строительства; с 2011 г. – кампания по защите Хопра, против разработок никелевых месторождений; с 2018 г. идет борьба за чистый Шиес, против строительства там мусорного полигона (см., например, stopshies.ru) и т.д. Множество городских инициатив по защите парков или против закона о реновации используют социальные сети для коммуникации (Семочкина, 2017).

«Очень распространена экологическая онлайн-активность в соцсетях – создание тематических групп, встреч, приглашение туда других пользователей, распространение призывов к различным экологическим действиям (например, подписи онлайн-петиции) через лайки и репосты на свою страницу» (Опыт и практика..., 2014: 7).

И хотя развитие и повсеместное проникновение цифровых технологий «выравнивает», со слов экожурналистки А. Давыдовой, возможности для «зеленого» онлайн-активизма, в реальности существуют и большие риски в виде репрессий как интернет-цензуры для цифровых инициатив и до реальных угроз для жизни и деятельности экологов.

В русскоязычной научной литературе на данный момент представлено довольно мало исследований, посвященных экологическому цифровому активизму. В основном найденные исследования связаны с такими действиями, как подписание петиций, фандрайзинг и краудсорсинг. Речь идет, например, о протестах в Архангельской области, связанных с современной мусорной реформой. В этом регионе планируется создание двух новых мусорных полигонов, в связи с чем с лета 2018 г. наблюдаются протестные настроения массового характера.

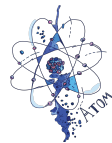

Символическое проявление поддержки протестов в Интернете изучили исследователи из Центра социальных измерений «ФОКУС». О.Н. Руссова отметила, что социальные сети стали площадкой для перемещения политического дискурса в цифровую сферу. Роль социальных медиа и сетевых ресурсов в мобилизации и организации участников протестов в области, а также в освещении темы очень высока. Исследователи выявили тенденцию: волну использования значков, наклеек, плакатов в аватарах как способ протестной самоидентификации. То есть социальная сеть становится средством графического, знакового, символического оформления протеста. Кроме того, существует и обратная связь: протестные движения стимулируют развитие цифровой грамотности у населения (Русова, 2019).

Новым (онлайн-)формам экологического активизма в России посвящены работы В.Б. Гольбрайха (2016а; 2016б; 2017; 2018). Он отмечает рост популярности такой формы участия как подписание онлайн-петиций при ее небольшой результативности: «активное использование онлайн-петиций при условии, что активисты ограничиваются этой формой участия, может быть выгодным для органов власти, поскольку служит наиболее безопасной формой протеста, заменяя традиционные формы политического участия и оставляя выхлопом недовольства» (Гольбрайх, 2016б: 115).

Исследования Гольбрайха показали, что создателям онлайн-петиций по экологическим вопросам (от зоозащиты до вырубки заповедников и загрязнения воздуха) крайне редко удавалось достичь успеха. Из 402 анализируемых им экологических конфликтов в 2015 г. лишь в 51% использовались традиционные формы политического участия. Митинги, пикеты, сходы организовывались лишь в 22% конфликтов, а в большинстве случаев применялись такие формы участия как обращения. Новые формы политического участия, такие как создание групп в социальных сетях, использовались только в 22% случаев.

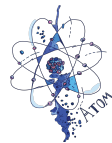
Гольбрайх выявил серьезное различие в использовании различных форм участия в зависимости от типа конфликта. Традиционные формы чаще используются в конфликтах, возникающих в связи со строительством или деятельностью опасных предприятий, выружкой зеленых насаждений и застройкой особо охраняемых природных территорий, тогда как при защите животных, проблемах мусора и загрязнении воды и водоемов активисты чаще ограничиваются созданием онлайн-петиций (Гольбрайх, 2016б).

Спор между техно-пессимистами и техно-активистами о потенциале цифрового активизма в решении социальных и политических проблем.

Для описания гражданских онлайн-инициатив сложился специфический теоретический аппарат, включающий помимо «цифрового активизма» такие понятия как «сетевой активизм», «интернет-революция», а также «слактивизм», «кликтивизм», «хактивизм» и др. Многие из них обозначают инициативы, не выходящие из сети в офлайн, поэтому между сетевыми скептиками (пессимистами) и оптимистами идет масштабная дискуссия об их эффективности. Например, «слактивизм» или «кликтивизм» («ленивый активизм» или «пассивизм» – «обратная» сторона эффективного цифрового активизма, по выражению экожурналистки А. Давыдовой) – это активность, отличающаяся низким риском и низкими затратами, заменяющая традиционное политическое участие. «В отличие от реального активизма, который требует усилий, временных затрат и зачастую связан с риском, слактивизм просто имитирует участие и приносит моральное удовлетворение» (Мартынов, 2012: 24). «Типичный пример – когда на мероприятие регистрируются десять тысяч человек, а приходит несколько десятков, так как большая часть сторонников полагает, что, поставив лайк или сделав репост, свою гражданскую миссию они уже выполнили» (Виртуально «зеленые», 2014: 4).

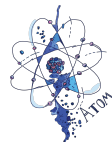
Пессимисты говорят о таких издержках информационной революции как угроза для общественной безопасности, социально-экономической стабильности, культурной идентичности и национально-государственного суверенитета; о том, что использование цифровых технологий может привести к таким деструктивным последствиям как нарушение коммуникаций, искажение или разрушение виртуальной собственности, организация враждебных акций в оффлайне (причинение физического вреда третьим лицам и их собственности), публикация личной информации и дезинформации (т.е. этические вопросы). По мнению С. Мердока, все это можно назвать деструктивным цифровым активизмом, который в общем может быть разделен на пять категорий: блокирование доступа, разрушение или порча цифровой собственности, организация злонамеренной активности, злоупотребление информацией, атаки на критические инфраструктуры (Murdoch, 2010). Многие из этих тактик незаконны, хотя активисты могут рассматривать их как

целесообразные, поскольку используют их во имя благих, как им кажется, целей. В природоохранной сфере в качестве примера злоупотребления информацией Мердок приводит практику, когда защитники прав животных Великобритании публикуют персональные и контактные данные лиц, проводящих исследования на животных, а также распространяют оскорбительные сообщения в их адрес. Таким образом, возможности блогов, форумов и социальных сетей, позволяющие каждому публиковать информацию подобно СМИ, являются как силой, так и слабостью интернета. В качестве еще одного примера Мердок приводит распространение в июне 2009 г. слухов об авариях на нескольких атомных станциях в России, управляемых Энергоатомом (Слухи о якобы имевших место авариях..., 2009).

С развитием социальных сетей актуализировалась проблема дефицита внимания. Если подписчиков каждый день приглашают на несколько акций, просят подписать несколько петиций и сделать несколько репостов, им довольно сложно всерьез разобраться в каждом из этих действий и быть вовлеченным в них. В таких условиях «успех той или иной кампании напрямую зависит от того, насколько самоотверженно и профессионально действует “корневая группа” протеста, насколько организованно они могут координировать свои действия, привлекать и удерживать сторонников. Наконец, иногда в онлайн-кампаниях сложно оценить уровень реальной поддержки конкретной инициативы, а также объективно посмотреть на позицию противников, поскольку зачастую группы общения в социальных сетях складываются исключительно из единомышленников и объективную критику или “взгляд со стороны” бывает получить довольно непросто» (Виртуально «зеленые», 2014: 5)

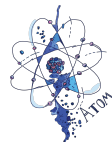
Автор концепции виртуальной реальности Д. Ланир в манифесте «Вы не гаджет» заявил, что «социальные сети и блоги повели человечество по ложному пути; вместо творчества и индивидуальности здесь поощряются поверхностные суждения, скорость создания и потребления контента» (Ланир, 2011. Цит. по: Мартынов, 2012: 20). Другие авторы считают, что «развитие онлайн-присутствия и онлайн-сообществ вырывает нас из реальных форм общности, ограничивает наши возможности в реальной дружбе и солидарности» (Keen, 2012. Цит. по: Мартынов, 2012: 20). Что касается роли интернета в уличной политике, то автор термина «twitter-революция», Е. Морозов,

применивший это понятие к беспорядкам в Молдове еще в 2009 г., считает, что рассуждения о гомологичности социальной сети и протеста являются предметом folk-политологии, мистифицирующей социальный потенциал интернета (Mogozov, 2011). Он критикует роль цифровых медиа как политических инструментов. М. Гладуэлл также считает, что «мобилизационного потенциала социальных сетей с их “слабыми связями” недостаточно, чтобы вывести людей на улицу и заставить их перейти к акциям, направленным на свержение политического режима» (Gladwell, 2010. Цит. по Мартынов, 2012: 24). Кроме того, активно обсуждается негативная роль сетей в том, что они позволяют секретным службам стран собирать различные сведения о пользователях, вести надзор, контролировать интернет-трафик.

Многочисленные сетевые оптимисты, такие как К. Андерсон, Д. Тапскотт и К. Ширки (The Digital Divide..., 2011), П. Гербаудо (Gerbaudo, 2012), вдохновляемые гуманистическими и когнитивными перспективами дальнейшего развития интернета держат оборону. Гербаудо считает, что медиа являются ключевым элементом протестных движений последних лет. С помощью средств медиа эти протестные движения организуются, управляются, так в них вовлекаются люди, и так эти движения освещаются, чтобы как можно больше людей смогли узнать о них. При этом он считает, что ни техно-пессимизм, ни техно-оптимизм не являются правильным ответом в отношении активизма и социальных медиа. Интернет не является средством контроля или доминирования, но также он не является и инструментом на пути к свободе и эмансипации. Потому что это не просто инструмент, а еще и пространство, которое несет в себе определенную культуру, предопределяющую во многом наш образ жизни, и культурные коды, в категориях которых мы думаем о себе и окружающем нас обществе. А значит, мы не должны редуцировать наше понимание интернета просто до «хорошо» или «плохо».

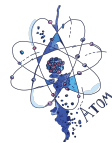
А. Кон и Д. Ульдам считают, что при анализе цифрового активизма наиболее популярны две точки зрения: (1) акцент на универсальном характере использования цифровых технологий; (2) акцент на деятельности активистов без учета специфики технологий (Kaun and Uldam, 2017). «Исходя из этого дуализма, некоторые исследователи предпочитают рассматривать цифровые медиа как технические артефакты, коммуникативные практики и институциональные механизмы (Lievrouw, 2011). То

есть цифровые устройства позволяют и расширяют возможности людей вступать в коммуникацию и распространять информацию, в то время как активисты разрабатывают конкретные практики в соответствии с особенностями функционирования данных «технических артефактов», включенных в более крупные институциональные механизмы и гражданскую культуру» (Матвеева, 2018: 623).

Заключение (Conclusions).

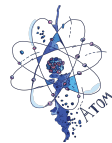
Мы приближаемся к тому уровню цифровизации, когда абсолютное большинство населения так или иначе пользуется сетевыми технологиями: 4,4 млрд. человек или 57% населения Земли являются интернет-пользователями, а почти 3,5 млрд. – активными пользователями социальных сетей (Digital 2019, 2019). Интернет занял центральное место в том, как и что мы производим, потребляем и организуем. И именно поэтому неудивительно, что он становится ареной протеста и гражданской мобилизации. Он делает социальное пространство сложнее, дает больше свободы действий, снижая географические и временные барьеры. Приведенный в статье анализ литературы показал, что Интернет является не только площадкой для гражданских практик, но дает средства для их реализации. В первую очередь современные формы онлайн-активизма развиваются в крупных городах, хотя доступны они повсеместно и используются для решения как локальных, так и глобальных проблем. Исследователи обратили внимание на такие формы участия граждан как подписание онлайн-петиций и онлайн-дискуссии, вступление в ad-hoc группы в социальных сетях, репосты или размещение ссылок на материалы о проблемных темах. Все это – по большому счету, действия в сетевых медиа, которые способствуют распространению информации, повышению осведомленности о социальных или политических проблемах. Многие из них являются ростками активности, зарождающейся онлайн и далее реализующейся в офлайн (например, краудсорсинг). Но есть и цифровые формы активизма, которые полностью реализуются в Интернете или до его возникновения были просто невозможны (например, онлайн-мониторинг по web-камерам). Для реализации подобных практик разрабатываются специальные социальные платформы и приложения, которые уже успешно проявили себя в периоды

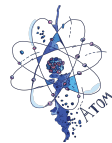
масштабных катастроф. А их разработчики формируют технологические сообщества так называемых IT-волонтеров. Несмотря на перечисленные факты, ученые до сих пор не пришли к консенсусу об определении цифрового активизма, по-прежнему существуют споры о его вреде и пользе для общества, а российское поле исследований еще не насыщено эмпирикой, что открывает отечественным ученым возможности для развития этой темы, наблюдая перемены в реальном режиме времени.

Список литературы

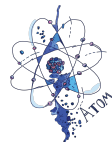
1. Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 12-34.
2. Башева О. А. Специфика городской катастрофы на примере пожара в ИНИОН РАН // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2018. № 2. С. 99-116.
3. Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // ИНТЕР. 2014. № 7. С. 44-73.
4. Виртуально «зеленые» // Экология и право. 2014. № 4. С. 4-5. URL: https://network.bellona.org/content/uploads/sites/4/2015/09/fil_EiP_54_site.pdf (дата обращения: 01.12.2019)
5. Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 40-54.
6. Гольбрайх В. Б. Члены экологических групп в социальных медиа: цифровое участие и интересы // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 9. С. 91-119.
7. Гольбрайх В. Б. Экологические общественные инициативы в Интернете как новая практика политического участия // Вестник Томского государственного университета.

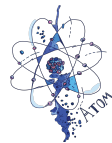
- Философия. Социология. Политология. 2016б. № 4. С. 340-350.
8. Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Власть и элиты / Под ред. А. В. Дуки. 2016а. Т. 3. С. 98-120.
 9. Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции). Материалы научной конференции IX Ковалевские чтения 9-11 ноября 2017 г.; Отв. редактор: Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 315-316.
 10. Градосельская Г. В., Петренко Е. С. Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Гражданское общество современной России; Отв. ред. Е. С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 80-81.
 11. Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. Неполитический активизм в России // Pro et Contra. 2014. Май-август. С. 148-163.
 12. Демушина О. Н. Электронное участие граждан как форма взаимодействия власти и общества // Карельский научный журнал. 2015. № 1(10). С. 114-117.
 13. Желтов В. В., Желтов М. В. Интернет, протестные движения и Арабская весна // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 1. С. 189-204.
 14. Кабанов Ю. А. Электронный авторитаризм. Институт электронного участия в недемократических странах // Политика. 2016. № 4. С. 36-55.
 15. Как протестовать в интернете / Look at me. 15.04.2013. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/inspiration-lists/191595-internet-activism> (дата обращения: 03.12.2019).
 16. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Corpus, 2011. 49 с.
 17. Мартынов К. От slackтивизма к республике. Почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 19-27.
 18. Матвеева А. В. Особенности гражданского участия в условиях современного цифрового пространства // Форум молодых ученых. Саратов: ООО «Институт управления и

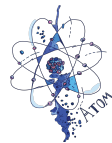
- социально-экономического развития, 2018. № 5-2 (21). С. 620-625.
19. Мирошниченко А. Интернет и эволюция медиаактивизма в России // Вестник Института Кеннана в России. М., 2013. Вып. 24.
 20. Никовская Л. И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск I (Труды XX Международной объединенной научной конференции Интернет и современное общество, IMS-2017, Санкт-Петербург, 21-23 июня 2017 г. Сборник научных статей). СПб: Университет ИТМО, 2017. С. 144-158. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5191> (дата обращения: 25.11.2019)
 21. Никовская Л. И., Молокова М. А. Роль межсекторного партнерства в реализации потенциала социального государства в России // Власть. 2017. Т. 25, № 11. С. 31-37.
 22. О проекте «Теплица социальных технологий». URL: <https://te-st.ru/about/about-project> (дата обращения: 18.11.2019).
 23. Опыт и практика экоактивизма в России – интервью с Татьяной Каргиной // Экология и право. 2014. № 4. С. 6-9. URL: https://network.bellona.org/content/uploads/sites/4/2015/09/fil_EiP_54_site.pdf (дата обращения: 18.11.2019).
 24. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков и др.: под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2015. 432 с.
 25. Руссова О. Н. «Социология социального протеста: взаимодействие акторов в контексте социальных сетей» / Доклад на IX Грушинской социологической конференции, Москва, 20-21 марта 2019.
 26. Рябченко Н. А., Гнедаш Н. А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество», 2016. СПб.: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. URL: <https://>

- openbooks.ifmo.ru/ru/file/4078/4078.pdf (дата обращения: 20.11.2019).
27. Семочкина К. А. Фрейм коллективного действия в деятельности общественных движений г. Москвы / Выпускная квалификационная работа – Магистерская диссертация. НИУ ВШЭ. Москва, 2017. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/206745348> (дата обращения: 20.11.2019).
28. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского Государственного Университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2011. № 1(13). С. 131-139.
29. Слухи о якобы имевших место авариях на АЭС в РФ утихают – атомщики / РИА Новости. 06.06.2009. URL: <https://ria.ru/20090606/173502835.html> (дата обращения: 18.11.2019).
30. Соколов А. В. Интернет-пространство: новые возможности для политического участия // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 98-115.
31. Усачева О. А. Интернет как новая площадка для гражданской самоорганизации // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр.; РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Институт системного анализа. Лаборатория «Информатика сообществ»; Отв. ред. Л. Н. Верченков, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. М., 2012. С. 264-280.
32. Усачева О. А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 35-42.
33. Ушкин С. Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2015. 25 с.
34. Центр ГРАНИ. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России, 2012. URL: http://grany-center.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktivizm.pdf (дата обращения: 01.11.2019).
35. Яницкий О. Н. Мобилизационная структура гражданского общества // Официальный сайт ИС РАН. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1924> (дата обращения: 28.10.2019).

36. 2016 Global NGO Online Technology Report. URL: <http://techreport.ngo> (дата обращения: 02.12.2019).
37. Ryabchenko N. A., Miroshnichenko I. V., Gnedash A. A., Morozova E. V. Crowdsourcing systems on facebook platform: Experiment in implementation of mathematical methods in social research // Journal of Theoretical and Applied Information Technology. 2016. Vol. 85, № 2. Pp. 136-145.
38. Digital 2019: Global Internet Use Accelerates, 30.01.2019. URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (дата обращения: 27.11.2019)
39. Gladwell M. Small Change. Why the revolution will not be tweeted // The New Yorker. 27.09.2010. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (дата обращения: 27.11.2019)
40. Gerbaudo P. Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto, 2012.
41. Gerbaudo P. From Cyper-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism // TripleC: Communication, Capitalism & Critique, 2017. № 15(2). Pp. 478-491.
42. Halliday J. London riots: how BlackBerry Messenger played a key role // The Guardian. 2011. URL: <http://www.theguardian.com/media/2011/aug/08/london-riots-facebook-twitter-blackberry> (дата обращения: 02.12.2019).
43. Hirzalla F., van Zoonen L. Beyond the Online/Offline Divide: How Youth's Online and Offline Civic Activities Converge // Social Science Computer Review. 2011. № 29 (4). Pp. 481-498.
44. Joyce M. Digital Activism Decoded. The New Mechanics of Change. New York: Idebate Press, 2010. 240 p.
45. Kaun A., Uldam J. Digital Activism - After the Hype // New Media & Society. 2017. № 20(6). Pp. 2099-2106.
46. Keen A. Digital Vertigo: How Today's Online Social Revolution Is Dividing, Diminishing, and Disorienting Us. New York: St. Martin's Press, 2012. 256 p.
47. Lievrouw L. Alternative and Activist New Media. Cambridge: Polity, 2011. 296 p.
48. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. NY: Public Affairs, 2011. 448 p.

49. Murdoch S. Destructive Activism: The Double-Edged Sword of Digital Tactics // Digital Activism Decoded: The New Mechanics of Change. Ed. by M. Joyce. New York: IDEBATE Press, 2010. Pp. 137-148.
50. The Digital Divide: Arguments for and Against Facebook, Google, Texting, and the Age of Social Networking. New York: Tarcher, 2011. 354 p.
51. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media+Society. 2015. № 2(1). Pp. 1-14.
52. Wolfsfeld G., Yarchi M., Samuel-Arzan T. Political Information Repertoires and Political Participation // New Media & Society. 2016. № 18(9). Pp. 2096-2115.